

Ефим Бершин – человек известный. Не только как поэт, но и как журналист, философ. Был корреспондентом «Литературной газеты» во время военных действий в Приднестровье и в Чечне. Стихи Бершина можно услышать и на городской площади, и в тихом зале библиотеки, его темы вечны, его слог практически безупречен.

По мнению Ефима, поэтический дар даётся в долг, который потом нужно отдавать в течение всей жизни. Справляется ли со своим даром Бершин – судить читателю.

Д. Л.

* * *

Опять горнист исход трубит,
подталкивая к землям дальним.
Но тополем пирамидальным
я насмерть к берегу прибит.

Пространство – фикция. Оно
к себе притягивает страстно
лишь тех, которым не дано
перемещаться вне пространства.

И лист тускнеет, как медаль,
в грязи родного бездорожья.
Но он не улетает вдаль –
он умирает у подножья.

* * *

Пространственная форма пустоты –
дыра в заборе
или кукиш рамы,
застывшие солдатские кресты,
свистящие из снежной панорамы,

звезда в ночи,
огонь из блиндажа,
самоубийство – как побег из плена,
фигура бесприютного бомжа –
как сгорбленная формула вселенной.

Вселенная бездомна, как огонь,
кочующий по воющим каминам,
как осень,
как отцепленный вагон,
как запах облетевшего жасмина.

За пустотой поникшего куста
сплошной пустыней
обреченно стынет
иная жизнь,
иная пустота,
иных пустот бесплодной и пустынной.

Давай с тобой уйдем через забор,
через дыру.
И станем переулком.
И станем ветром.
И закончим спор
на перекрестке суетном и гулком.

Так дерево становится золой,
так грешница становится невинной,
трава – стерней,
развалины – землей,
а роща – переливом соловьиным.

Так талый снег становится водой.
Так звездной ночью, распуская космы,
ты станешь ослепительной звездой,
перечеркнувшей падающий космос.

Нам выпала забавная игра –
щекочущий сквозняк далеких странствий.
Пространства нет!
Есть вечная дыра
в окаменевшем облике пространства.
Уйти из дома – как взойти на крест.

И стать крестом,
как злаку – коркой хлеба.
Так свищет над планетой Эверест,
смиренно принимая форму неба.

Мы вмертвую держались за скобу
родного дома.
Но скрипит со стоном
гнилая дверь.
Не обмануть судьбу.
Ты чувствуешь? Уносит!
Вместе с домом.

* * *

Пока во мгле, подобно чуду,
звезда над Сретенкой горит, –
допить вино,
разбить посуду,
все распродать иль подарить,

и, пальцы в голову вонзая,
прощаться,
плакать без стыда,
купить билеты у вокзала
и не уехать никуда,

допить вино,
глядеть покорно,
просить прощенья в темноте,
захлопнуть дверь
и спать спокойно
с вязальной спицей в животе.

* * *

И крещенская сырость
сожрет недокрашенный крест.
И в белесом тумане
чужие заблудятся гости.
И сожмется ручей.

И куда не посмотришь окрест –
все леса да погосты в округе.
Леса да погосты.

И томится меж ними
сырой остывающий наст,
как наколка на теле,
как злая острожная участь.
Что ж вы думали там –
не достанет острогов у нас,
чтобы жизнь пережить,
переменчивым счастьем не мучась?

Что ж вы думали там –
не достанет у нас дураков,
чтобы мордой – в трясину,
а всем животом – на кинжалы?
Что ж вы думали там –
у России не хватит врагов,
чтобы всех дураков
навсегда занести на скрижали?

Это – высшая русская мера во все времена,
это – высшая русская доблесть,
с которой нет сладу,
это – высшая русская доля –
тюрьма да война,
да крутые овраги,
да поздняя горькая слава.

Вам бы распри одни.
Вам бы белую скатерть залить
недопитым вином
да уйти под чужие знамена.
Что ж вы думали там –
у России не хватит земли?
Чтобы всех примирить.
Чтобы всех позабыть.
Поименно.

* * *

Если немедленно прыгнуть от «до» до «ми»
или выше – от «ми» до «фа»,
это еще не будет музыкой, ты пойми,
это еще только одна строфа.

Ты же помнишь: вначале было «до»,
а потом уже музыка и слова,
или даже только слово, длинное, но одно,
из-под снега пробившееся едва.

Или только возглас, раненный, как «спаси».
Или только выкрик, яростный, словно «нет».
Если даже прыгнуть от «фа» до «си»,
все равно на версты вокруг – тишина да снег.

Снег лежит, как женщина, поперек
остывающей ночи, зимы, веков.
Если даже выскочить за порог,
все равно не избавиться от снегов.

А всего и надо, что вырваться из октав,
словно выдернуть руку, зажатую в кровь дверьми.
Но опять до-ре-ми, до-ре-ми, и, даже устав,
все равно – до-ре-ми, до-ре-ми, до-ре-ми...

За окном – ни звука. И даже печь не искрит.
Или мир наш пока не тот, или мы не те.
Посреди постели лежу, как замерзший крик,
в бесконечной своей, безжалостной немоте.

* * *

Мир уже не рифмуется. Бог
не рифмуется с небом бездонным.
Так в волнах заблудившийся бот
не рифмуется с портом и домом.

Над землей прокатившийся смерч
не рифмуется с солнцем весенним,
как сугробы – с капелью,

как смерть
не рифмуется с воскресеньем.

Я уже не рифмуюсь с тобой,
как диван и вчерашние куклы.
Слышишь, вою фабричной трубой
из окна опостылевшей кухни?

Только бездна струится из дыр –
из дивана, из кресла, из пола.
Мир уже не рифмуется. Мир –
пустота опустевшего поля.

Я собою закрою дыру,
прилипая к воскресному креслу.
И уже никогда не умру.
И уже никогда не воскресну.